

Б. А. Булаевский\*

## Концепция совершенствования семейного законодательства как необходимость

**Аннотация.** В статье приводится оценка предпринятой попытки системного реформирования семейного законодательства РФ. Анализируются отдельные положения Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства в контексте ожиданий, определенных Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года.

Особое внимание уделяется принципам семейного права, их взаимодействию и сочетанию в рамках регулирования семейных отношений. Обосновывается возможность и необходимость закрепления в современном семейном законодательстве основанного на презумпции принципа добросовестности.

Предлагается закрепить в качестве принципа семейно-правового регулирования принцип сохранения и укрепления традиционных семейных ценностей. Обращается внимание на потенциал данного принципа и возможность его использования за пределами семейного права. Констатируется отсутствие не только предметного, но и методологического единства проводимых мероприятий по совершенствованию семейного законодательства. Делается вывод о необходимости подготовки новой Концепции совершенствования семейного законодательства в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** концепция, семейная политика, семейное законодательство, реформа, принципы семейного права, институт семьи, традиционные семейные ценности, добросовестность, презумпция, сочетание интересов.

**DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.041-045**

**Н**еобходимость реформы семейного законодательства РФ разделяется абсолютным большинством юридического сообщества. Попытки воплощения данной реформы с переменным успехом можно наблюдать в течение продолжительного периода времени.

Наиболее масштабная из таких попыток — разработка проекта Концепции совершенствования семейного законодательства Российской

Федерации (далее — Концепция) и Предложений по совершенствованию семейного законодательства (далее — Предложения) на экспертном уровне были признаны нуждающимися в доработке<sup>1</sup>.

Не вдаваясь в детали обоснования данного вывода, акцентируем внимание лишь на том, что в самой Концепции необходимость совершенствования семейного законодательства об-

---

<sup>1</sup> См.: Экспертное заключение по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства от 7 июля 2014 г. № 132-1/2014 (далее — экспертное заключение) // СПС «КонсультантПлюс».

условлена реализацией в России масштабного проекта — Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2107 годы — проекта, вне всяких сомнений, важного и нужного, но едва ли способного охватить всю систему норм семейного законодательства, «ожидających» реформирования. Как следствие, ряд позитивных инициатив, обозначенных в Концепции, «не вписался» в нее по духу.

Последовавшая за этим точечная корректировка отдельных норм семейного законодательства проходила и продолжает осуществляться «под крылом» еще более масштабного государственного проекта — Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (далее — Концепция семейной политики), утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р<sup>2</sup>. Однако данная концепция, по сути, предложила лишь общие рамки возможного реформирования семейного законодательства, обозначив совершенствование семейного законодательства РФ средством реализации государственной семейной политики в рамках общего нормативно-правового обеспечения.

При этом создание системы правового обеспечения государственной семейной политики предполагается осуществить уже на первом этапе реализации Концепции семейной политики (2015—2018 гг.). Но, как известно, ни указанная «система», ни обновленная Концепция совершенствования семейного законодательства до сих пор не появились.

Вместе с тем необходимость руководящих документов для эффективного реформирования семейного законодательства очевидна. Без них появления сбалансированного обновленного семейного законодательства ожидать не приходится. Показательна в этом смысле полемика о принципах семейного права и, в частности, о необходимости закрепления принципа добросовестности (в Концепции — «принципа презумпции добросовестности осуществления родительских прав»).

Не отрицая того, что «добросовестность родителей — важное требование законодательства» и на этом основании «возможно,

заслуживает прямого закрепления в законе», авторы экспертного заключения по проекту Концепции усматривают в его появлении помеху защиты отдельных семейных прав (прежде всего прав ребенка). Одновременно ими отмечается, что «правовая презумпция не может выступать в качестве принципа (основного начала) правового регулирования».

Тезис о том, что презумпция не может выступать в качестве принципа, не вызывает возражений только в контексте сопоставления назначения рассматриваемых категорий в праве (функционал у презумпций и у правовых принципов явно различен). Но это не означает, что в основу правового принципа (руководящего правила поведения) не может быть положена презумпция (конструкция, придающая определенность соответствующему правилу).

Так, укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования (в том числе в целях гармонизации отношений с участием так называемых «слабых» субъектов — потребителей, миноритарных акционеров и др.) было реализовано путем введения в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права. При этом в законе закрепляется правило о предположении добросовестности участников гражданских правоотношений (п. 5 ст. 10 ГК РФ), что наряду с иными факторами свидетельствует об использовании конструкции презумпции.

Опровержимое предположение — это инструмент изящного правоприменения. Неопровергнутое предположение если и может быть преградой (помехой) в защите чьих-либо прав, то только потому, что оно существует в силу закона. Если этот закон несправедлив — его не должно быть, но если он справедлив (а с презумпцией добросовестности это очевидно), то искать «врагов» (причины) нужно не в законе.

В подобных случаях речь может идти как о субъективном неприятии закона, пренебрежении к нему и, как следствие, правонарушении (что и отмечалось в качестве аргумента против введения принципа добросовестности по причине «неготовности многих российских

<sup>2</sup> Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29 августа 2014 г.).

родителей действовать добросовестно и в интересах ребенка»), так и о низком качестве непосредственного правоприменения, основанного, помимо прочего, на неверной оценке потенциала закона.

В этой связи, как представляется, обновленная Концепция должна содержать не только новые решения «на злобу дня», но и модели оптимального использования «неочевидного» потенциала действующего законодательства. В контексте действия принципов семейного права это может проявляться в установлении пределов их применения, в определении соотношения между ними.

Так, принцип добросовестности осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей потребует «притирки» с принципом обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав; принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи важно соотносить с принципом недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи<sup>3</sup>.

Ни один из названных принципов не может «затмевать» собою действие иных принципов. Цель права — оптимальное сочетание интересов участников правоотношений с интересами иных лиц и, как следствие, с публичными интересами. И эта цель (ее достижение) должна служить ключевым критерием эффективности права.

Не должно обеспечение приоритетной защиты прав и интересов одних лиц «обесценивать» права и интересы других, и уж тем более ни один из приоритетов в семье не должен рушить саму семью. Данное обстоятельство особенно важно в современных условиях, когда продекларированные в законе приоритеты пытаются применять без учета природы и назначения отношений, в которых они предоставляются. Так, приоритет защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи всего лишь средство защиты их

семейных прав и интересов (в контексте интересов семьи, в контексте существования несовершеннолетних и нетрудоспособных лиц в семье)<sup>4</sup>.

Значит, «вырывать» из семьи нуждающегося в защите нельзя. Лишь в исключительных случаях, когда «семья» уже не семья, когда она становится угрозой человеку, он может изыматься из семьи в место, замещающее семью (где решаются сходные с семьей задачи).

И здесь мы подходим к одному из важнейших вопросов содержания обновленной концепции реформирования семейного законодательства — раскрытие ожиданий общества от института семьи. Возможно, не получится договориться об определении семьи<sup>5</sup>, но в праве (как бы парадоксально это не звучало) куда важнее понимать задачи семьи, что, собственно, мы и имеем на примере семейного законодательства, предлагающего регулирование семейных отношений в отсутствие легального определения семьи для целей семейно-правового регулирования.

Если семья в обществе призвана транслировать традиционные семейные ценности как основу его стабильности — то задачи одни, если семья всего лишь инструмент «игры в демократию» (с «кричащими» свободой и равенством) — то и задачи другие. Соответствующие ожидания общества от семьи должны быть очевидны, что достигается их отражением в законах, в программных документах либо иными подобными формами.

И в этом смысле Концепция семейной политики при минимуме конкретики в части совершенствования семейного законодательства ставит вполне определенные задачи. В ней, в частности, отмечается, что «меры, предусмотренные Концепцией, определены во взаимосвязи с общественно значимыми функциями семьи — рождением, воспитанием, содержанием и социализацией детей, участием в экономической деятельности государства, сохранением физического, психологического

<sup>3</sup> На что обоснованно обращалось внимание в экспертном заключении.

<sup>4</sup> См. об этом: *Булаевский Б. А.* Семейное право: концепция В. А. Рясенцева // Рясенцев В. А. Семейное право. Советское изобретательское право / сост. Б. А. Булаевский, Е. А. Моргунова. М. : Проспект, 2017. С. 18.

<sup>5</sup> Хотя вполне приемлемые варианты существуют. См. подробнее: *Тарусина Н. Н.* Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения : монография. М. : Проспект, 2014. С. 96—119.

и эмоционального здоровья ее членов, а также духовным развитием членов семьи и всего общества, сохранением и укреплением традиционных семейных ценностей. Эти меры распространяются на все семьи независимо от их состава, социально-экономического положения и социального статуса».

Из всех названных мер сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей заслуживает особого внимания, поскольку предопределяет реализацию едва ли не всех остальных функций семьи, поименованных в Концепции.

Полагаю возможным считать, что по своей сути сохранение и укрепление традиционных семейных ценностей — это принцип семейно-правового регулирования, устанавливающий рамки желаемого в обществе. Его задача не только в недопущении так называемых «однополовых браков». Как справедливо подмечено в экспертном заключении, данная цель давно достигнута в нашем законе без фиксации понятия «традиционные семейные ценности» через определение брака в ст. 12 СК РФ как союза мужчины и женщины. Применение данного принципа способно свести на нет любые попытки легитимации квазисемей и «около-семейных» извращений. Но самое важное его назначение не в пресечении правонарушений и всякого рода «несуразностей», а в позитивном регулировании семейных отношений. По меткому замечанию Г. А. Гаджиева, правила

из подобных принципов содержат «напутствие законодателю, некую разновидность рамочного правового регулирования»<sup>6</sup>.

Действие данного принципа устанавливает рамки не только для возможного внешнего воздействия на семью, коррелируя принципу недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, но и определяет рамки внутрисемейных отношений, выступая, помимо прочего, своеобразным критерием добросовестного поведения в семье<sup>7</sup>.

Учет конкретных традиционных семейных ценностей — это уже фактор правоприменения, «адресное регулирование». И здесь если и можно усматривать проблему, то только в части соотношения различных традиций, которые, к счастью, никогда еще в отечественной истории не расходились со здравым смыслом.

Подводя итог, важно отметить, что осмысление принципиальных подходов к реформированию семейного законодательства нельзя считать завершенным. Даже приведенные размышления с очевидностью указывают на просчеты не только предметного (в частности, о содержании принципов семейно-правового регулирования), но и методологического порядка (например, игнорирование «рамочного регулирования»). Преодолеть их без серьезной проработки крайне затруднительно. Вот почему Концепция совершенствования семейного законодательства в Российской Федерации — насущная необходимость.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Булаевский Б. А. Семейное право: концепция В. А. Рясенцева // *Рясенцев В. А. Семейное право. Советское изобретательское право* / сост. Б. А. Булаевский, Е. А. Моргунова. — М. : Проспект, 2017. — С. 17—19.
2. Гаджиев Г. А. Принципы права и право из принципов // *Сравнительное конституционное обозрение*. — 2008. — № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения : монография. М. : Проспект, 2014. — 288 с.

*Материал поступил в редакцию 15 марта 2017 г.*

<sup>6</sup> Гаджиев Г. А. Принципы права и право из принципов // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2008. № 2.

<sup>7</sup> Полагаю возможным считать, что учет традиционных (в том числе, семейных) ценностей как принцип регулирования общественных отношений может и должен получить свое закрепление не только в семейном праве, но и в иных сферах российского права (например, в гражданском праве в рамках регулирования наследственных отношений, в земельном праве в рамках упорядочения отношений землепользования и др.).

## THE THEORY OF FAMILY LAW IMPROVEMENT AS A NECESSITY

**BULAEVSKIY Boris Aleksandrovich** — PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)  
bboulaevski@rambler.ru  
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d.9

**Review.** *The article provides an assessment of an attempt to carry out a systematic reform of Family Law of the Russian Federation.*

*The author analyzes provisions of The Concept on Improving Family Law of the Russian Federation and Proposals for the Improvement of Family Laws in the context of expectations defined by the Concept on the State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025.*

*Special attention is paid to the principles of Family Law, their interaction and the combination within the framework of regulating family relations.*

*The author justifies the possibility and necessity of entrenching the principle of good faith based on the presumption of good faith in contemporary Family Law.*

*It is proposed that the principle of preserving and strengthening traditional family values should be enshrined as a principle of family law. The author draws his attention to the potential of this principle and the possibility of using it beyond family law.*

*It is noted that there is not only substantive but also methodological unity in the ongoing efforts aimed at improving family legislation. The author concludes that it is necessary to develop a new Concept on Improvement of Family Law in the Russian Federation.*

**Keywords:** *concept, family policy, family laws, reform, family law principles, family institution, traditional family values, good faith, presumption, combination of interests*

## REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bulaevskij B. A. Semejnoe pravo: koncepcija V.A. Rjasenceva. // Rjasencev V. A. Semejnoe pravo. Sovetskoe izobretatel'skoe pravo / sost. B. A. Bulaevskij, E. A. Morgunova. — M. : Prospekt, 2017. — S. 17—19.*
2. *Gadzhiev G. A. Principy prava i pravo iz principov // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. — 2008. — № 2 // «Konsul'tantPljus».*
3. *Tarusina N.N. Semejnoe pravo: v «orkestrovkе» suverenosti i sudebnogo usmotrenija: monografija. M. : Prospekt, 2014. — 288 s.*